

Ирина Григорьева

ДЕТИ КАК СУБЪЕКТЫ СВОЕГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ

Wyness M. (2015) *Childhood*. Cambridge, MA: Polity Press. 232 p. ISBN-13: 978-0-7456-6234-3

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-668-673

Что мы обсуждаем, когда говорим о детстве? С одной стороны, говорить о детстве гораздо проще, чем рефлексировать старение, поскольку опыт старения разделяют немногие, а опыт детства имеют все. Французский историк Филипп Арьес полагает, что в европейских обществах детство «возникло», т.е. появился новый взгляд на детство, в конце XVI в. (Арьес 1999). Арьес показал, что детство – не просто универсальная фаза развития, но наполненный разными смыслами в разные времена даже одной культуры феномен. Несмотря на критику, «почти все историки согласны с тем, что Новое время (особенно XVII и XVIII вв.) ознаменовалось появлением нового образа детства, ростом интереса к ребенку, более четким различием детского и взрослого миров, признанием за детством автономной социальной и психологической ценности» (Кон 2010: 13).

В российской социологии нужно подчеркнуть роль выдающегося исследователя Игоря Кона, который, собственно, ввел детство в число социологических тем и сюжетов. Будучи фундаментально образованным, Кон сделал доступными для советских, а потом российских исследователей, многие западные тексты о детстве. К «историзации» детства он добавил изучение телесности и запретов, этнографических и гендерных различий, в том числе, «мальчишества». Гендерная сегрегация – факт истории культуры и одновременно индивидуального развития. Как известно, мальчики исторически обособляются от девочек и приобретают собственную культурную нишу раньше, чем девочки (Кон 1988).

Кон также обратил внимание на тему идеализации и романтизации детства, указав, что: «Советский литературовед Н. Я. Берковский (и не он один) связывает открытие детства с культурой романтизма: "Романтизм установил культ ребенка и культ детства. XVIII век до них понимал ребенка как взрослого маленького формата, даже одевал детей в те же камзолчики, прихлопывая их сверху паричками с косичкой и под мышку подсовывал им шпажонку. <...> Внимание романтиков направлено к тому в детях и в детском

Ирина Андреевна Григорьева – д. с. н., профессор факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: soc28@yandex.ru

сознании, что будет утеряно взрослыми"» (Кон 2010: 14). Развивая эту мысль, он пишет: «В романтических произведениях фигурирует не реальный живой ребенок, а отвлеченный образ невинности, близости к природе и чувствительности, – тех качеств, которые отсутствуют у взрослых» (Кон 2010: 14).

По мнению Юрия Лотмана (2017), в России переосмысление детства произошло в 80-х гг. XVIII в. Оно связано с изменением общего стиля культуры (естественно, дворянской), с женщинами, нянями и гувернантками, грамотностью, чтением, романтизацией и героизацией. Мужчины заняты то войной, то хозяйством, а детский мир создают женщины. Но чтобы создать его, женщине надо стать читательницей, что она и делает под влиянием просветительских идей Новикова и Карамзина (Лотман 2017: 70–71).

В последние годы исследования детства становятся популярными. Однако Ирина Дуденкова отмечает: «Детство веками мыслилось как объект, который жестко встроено в связку "женщины и дети" или "ребенок в семье". Любая попытка проблематизации детства самого по себе, без привязки к профессиональному мнению педагогов, отношений между детьми и родителями, детьми и взрослыми, обречена на неудачу, потому что происходит мгновенное переключение от сущности к отношениям, в которых ребенок мыслится как объект воздействия взрослых» (Дуденкова 2014: 48).

Нормативизация и объективизация детства, естественно, приводят к деромантизации его, но и дают возможность рассуждать о детстве на языке законов и социальной политики. Однако разделить реальное детство и детство «нормативное» довольно трудно, поскольку общество привыкло, что детей, этих «маленьких дикарей», как говорили в XVIII в., необходимо воспитывать, формировать. В то же время сегодня, «с одной стороны, ребенок мыслится как объект защиты и покровительства, с другой – наблюдается тенденция к расширению круга прав детей» (Дуденкова 2019: 30).

Мы подробно рассказали о становлении социологии детства в России и идеях, на которые она опиралась, потому что контекст рецензируемой книги Майкла Вайнесса принципиально иной. Отметим сначала иной круг источников, на которые опирается Вайнесс, что легко сделать, поскольку книга снабжена академическим указателем (*Index*). Есть одна ссылка на Арьеса и на соответствующей странице – на один абзац изложение его вклада, но ни одной ссылки на Кона или Лотмана. О других российских авторах мы и не упоминаем, хотя в книге много материалов о самых разных странах, от Бразилии до Китая и Австралии. Зато ряд ссылок на разные международные организации, не только ЮНИСЕФ, но и Международную организацию труда, Международный валютный фонд, Международное движение работающих детей и Международную Программу за исключение детского труда.

Таким образом, Вайнесс определяет детство нормативно, хотя во введении пишет о детстве как понятии, которое окружено попытками осмысления со стороны социальных наук. Детство в настоящее время вписано в политические и институциональные структуры, которые фокусируются

на его регулировании. Он рассматривает пример пакистанской девочки Малалы Юсуфзаи, которая в 11 лет вела блог о трудностях в получении регулярного образования пакистанскими девочками. Из этого примера мы можем извлечь три темы, которые лежат в основании дебатов о детстве, освещенных в этой книге. Это развитие детской «агентности», т. е. субъектности, как скорее это может звучать в русскоязычном контексте. Субъектность проявляет социальные и культурные факторы детства. Далее – отношения между детьми, детством и глобализацией и структурный подход, который помещает детей в определенный поколенческий порядок. Осмысление нарастающей субъектности детей многими путями проникает в исследовательское поле социологии детства.

Автор развивает мысль о важном статусе субъектности для широкого круга дисциплин, изучающих детство в XXI в. (гл. 1). Благодаря этому понятию такие вещи, как голос ребенка или его участие становится частью политической и практической повестки. Можно увидеть элементы этих изменений в отношениях семьи и государства. Когда-то политические призывы переформатировали эту дихотомию, сделав более сложной сеть отношений между родителями, учителями, воспитателями-профессионалами и детьми. Сдвиг к трипартистской схеме предлагает детям играть более важную роль во взаимодействиях между семьей и государством. Кроме выражения своей классовой и возрастной позиции, дети могут развивать позицию в интересах самих себя, своей семьи и друзей.

Если субъектность концептуализировать в терминах участия, это легитимирует и социально санкционирует формы детского участия в школьных делах в благополучных сообществах. Дети же, которые борются с школьными правилами и нормами, не только исключаются из школьной среды, но и отвергают социальные правила, которые формируются ею. Являются ли активные действия детей ранним проявлением стиля жизни взрослых или рефлексия социокультурных изменений должна быть инкорпорирована в субъектность детей? Прежние исследования априори исходили из оппозиции детей и взрослых, но их взаимозависимость не менее важна. Тем более что развивая проблематику «прав детей» мы не можем вменить им ответственность взрослых, и это очень серьезная проблема.

Субъектность детей локализована в политических и институциональных терминах (гл. 2). В изменениях политического ландшафта подчеркивается сдвиг в статусе и значении детства. Существует доминирование одной, западной, модели детства, которую продвигают международные организации. Однако на планете существует множество регионов с «дефицитом детства», где детство нужно сначала поднять до глобальных стандартов. В первую очередь это регионы, где привычен наемный детский труд. Причем это вовсе не беднейшие регионы, а, например, США, которые частично ратифицировали Конвенцию о правах детей, и Россия, где с советского времени разрешен труд детей по найму с 14 лет по 4 часа в день и с 16 лет – по 6 часов в день. В этом

обсуждении Вайнесс делает важный, не всегда признаваемый исследователями акцент на социальном статусе ребенка – на том, что труд по найму переводит ребенка любого возраста во взрослые, в полном соответствии с заявленным стремлением мыслить детство социологически.

В повестке развития прав детей все более важную роль играют информационно-коммуникационные технологии. Благодаря им дети участвуют в обсуждении глобальных и национальных повесток и процессах принятия решений. Так, ЮНИСЕФ выпустил книгу об этом «Всемирное государство детей» (UNICEF 2003). Способность детей управлять сетевыми взаимодействиями, когда они в школе или дома, повышает их возможности участия в политике и доступ к каналам принятия решений. Такие возможности уже отражены в дискуссиях и добавлениях к международным документам. Так, в 2008 г. Правительство Великобритании подвергнуто критике за то, что в принятых документах об образовании и политике оно недостаточно учло и проявило уважение к взгляду самих детей. Европейский союз сделал добавление к Декларации прав человека о том, что дети должны иметь возможность «выражать свои взгляды свободно» (European Union 2000: Art. 24). Что же касается идентичности детей, то она формируется под воздействием их успехов в информационных технологиях и включенности в виртуальную реальность. Так, вместо дневников дети и подростки постоянно пишут в сетях, чаще всего в *Facebook* и *MySpace*, что соответствует принятым в современной культуре правилам.

Со ссылкой на глобализацию, одну из важнейших теорий в социальных науках последних декад, автор обсуждает взаимодействие национальных и глобального контекстов понимания детства и проясняет связанность экономических, политических и культурных особенностей, оказывающих глубокое влияние на его интерпретацию (гл. 3). При этом западная концепция детства обнаруживает низкую чувствительность к локальным особенностям его понимания. Следуя за автором, мы оцениваем способ, которым детство может быть теоретически описано через сложные взаимоотношения между широкими трендами и более локальными факторами (гл. 4). В качестве способа избежать глобального пресса расширения только одной из моделей детства, предлагается гибридная модель детства. Особенно сложным и практически и теоретически является положение детей в зоне военных конфликтов, оценка их возможности влиять на свою ситуацию.

Здесь же нужно отметить различия между иерархической и параллельной концепциями прав детей. В «иерархическом» варианте права детей плотно связаны с дискурсом нуждаемости в благополучии, а благополучие зависит от взрослых. В «параллельной» модели благополучие развивается вместе с правом на участие. Голос ребенка становится интегральной частью его материального благосостояния, т.е. участие детей становится предпосылкой их благополучия.

Дети все еще конституируются как «неполные другие», поэтому скорее могут быть изучены как становящиеся взрослыми, а не с точки зрения их собственных прав как человеческих существ (Qvortrup 2009). Идея поколенческой структуры связана с другими, более устоявшимися измерениями стратификации, такими, как патриархальная власть или гендер. Так, отмечено, что и женщины, и дети занимали более низкие места в социальной структуре, чем мужчины. Они были вовлечены в домашний труд, пока не начался процесс замещения труда школой и школьное образование постепенно стало рассматриваться как инвестиция в будущее детей даже рабочим классом. Таким образом, изучение детства немало привнесло в социологические нарративы о власти, гендере и социальных различиях.

Отметим, что Вайнесс фокусируется на субъектности, глобализации и поколении как основных понятиях исследований детства. Однако субъектность ждет дальнейшей концептуальной разработки; глобализация становится устаревающим термином с конфликтующими определениями того, причиной или эффектом изменений она является; концепт поколения, наоборот, за пределами текстов Карла Маннхейма не очень ясен и играет меньшую роль в исследованиях детства.

Тем не менее используя эти понятия, Вайнесс пытается поместить детство в более широкий социальный, политический и академический контекст. Глобальные проблемы, такие как гражданские войны, бедность, пандемия ВИЧ и эксплуатация создают физические, эмоциональные и моральные риски, особенно для детей. А нормы создаются, чтобы минимизировать риски детского благополучия. В итоге автор утверждает значение междисциплинарного подхода к изучению детей и детства. Он считает, что эмпирические исследования выглядят более обоснованными, а между теоретическими исследованиями и политическими программами пока зияет пропасть. Вайнесс пытается свести их все воедино через понятие благополучия и участия детей, чтобы предположить необходимые изменения в публичной и социальной политике. Книга может быть рекомендована широкому кругу исследователей, занимающихся межпоколенческими проблемами, социализацией и социологией детства, а также студентам, социальным работникам, психологам и юристам.

Выражение признательности

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19–18–00246 «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг».

Список источников

- Арьес Ф. (1999) *Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Дуденкова И. В. (2014) «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией. *Социология власти*, (3): 47–59.

- Дуденкова И. В. (2019) Что значит быть несовершеннолетним? *Социология власти*, (1): 30–50.
- Кон И. С. (1988) *Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива*. М.: Наука.
- Кон И. С. (2010) Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства. *Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение*, 15 (58): 12–24.
- Лотман Ю. М. (2017) *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII- начало XIX века)*. СПб.: Азбука.
- European Union (2000) *Charter of Fundamental Rights of the European Union* (2000/C 364/01). Available at: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (accessed 30 June 2019).
- Qvortrup J. (2009) Childhood as a Structural Form. In: J. Qvortrup, W. Corsaro, M. Honig (eds.) *The Palgrave Handbook of Childhood Studies*. Basingstoke: Palgrave Macmillan: 21–33.
- UNICEF (2003) *The State of World's Children*. Available at: <https://shop.un.org/books/state-worlds-children-2003-56528> (accessed 4 July 2019).

Irina Grigoryeva

CHILDREN AS SUBJECTS OF WELLBEING AND SOCIAL PARTICIPATION

Wyness M. (2015) *Childhood*. Cambridge, MA: Polity Press. 232 p. ISBN-13: 978-0-7456-6234-3

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-4-668-673

References

- Aries Ph. (1999) *Rebenok i semeynaya zhizn' pri Starom poryadke* [The Child and Family under the Old Rule]. Ekaterinburg: Ural University Press.
- Dudenkova I. V. (2014) 'Detskiy vopros' v sotsiologii: mezhdru normativnost'yu i avtonomiyey [The Children Question in Sociology: Between Normativity and Autonomy]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], (3): 47–59.
- Dudenkova I. V. (2019) Chto znachit byt' nesovershennoletnim? [What Does It Mean to Be an Adolescent?]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], (1): 30–50.
- European Union (2000) *Charter of Fundamental Rights of the European Union* (2000/C 364/01). Available at: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (accessed 30 June 2019).
- Kon I. S. (1988) *Rebenok i obshchestvo: istoriko-etnograficheskaya perspektiva* [The Child and Society: Historical and Anthropological Perspectives]. Moscow: Nauka.
- Kon I. S. (2010) Otkrytiya Filippa Ar'esa i gendernyye aspekty istorii detstva [Discoveries of Philippe Aries and the Gender Aspects of the History of Childhood]. *Vestnik RGGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie* [RGGU Review. Philosophy, Sociology, and Arts], 15 (58): 12–24.
- Lotman Yu. M. (2017) *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII-nachalo XIX veka)* [Discussions of Russian Culture: Everyday Life and Traditions of Russian nobility, 18th–beginning of 19th Centuries]. St. Petersburg: Azbuka.
- Qvortrup J. (2009) Childhood as a Structural Form. In: J. Qvortrup, W. Corsaro, M. Honig (eds.) *The Palgrave Handbook of Childhood Studies*. Basingstoke: Palgrave Macmillan: 21–33.
- UNICEF (2003) *The State of World's Children*. Available at: <https://shop.un.org/books/state-worlds-children-2003-56528> (accessed 4 July 2019).

Irina A. Grigoryeva – Dr. Sci., Professor, School of Sociology, St. Petersburg State University (SPSU), St. Petersburg, Russian Federation. Email: soc28@yandex.ru